

В гавани, далекой гавани*...

Люди делятся на тех, кто живет на суше,
но особенно на тех, кто плавает по морям.
Митридат

Большая была гавань. Случалось, в нее одновременно заходило множество кораблей. Помню кургузую "Нинью" с Христофором Колумбом на мостике.

Не забыть верткий бриг "Кроткий" с Федором Матюшкиным, лицейским другом Пушкина. Лейтенант прокладывал пути в Северном Ледовитом океане. Какое это было наслаждение — провожать Матюшкина к неведомым землям за "звездой пленительного счастья". Счастливый путь!..

С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь счастливое дитя!

"В морях твоя дорога". Недаром царь скифов Митридат говаривал: "Я знаю три состояния человека — живой, мертвый и плавающий в морях". Да что там Митридат! Мы и сами понимали всю прелесть моряцкой судьбы. От знаменитых слов Пушкина, обращенных к другу, в ледяной тоске сжимались и наши сердца, как бы соединяясь с судьбой лицейста Матюшкина. В конце концов, ему ведь тоже было 14 лет, когда их всех соединил в братстве Лицей. И совершенно неважно, что жили мы в разное время. Важно иное — юность, вечный причал, подле которого все мы встречаемся однажды, а уже потом расходимся в иные времена.

Главный капитан — Мечта. Среди череды ее поданных — вон тот капитан с баркентины "Агамемнон", который едва не падает в обморок, увидев Эмилию Лайон, дочь деревенского кузнеца. Моряк невысок ростом — всего метр шестьдесят, узкоплеч и страдает морской болезнью. Вы совершенно правы — это адмирал Горацио Нельсон. Сэр Нельсон, с вашего позволения.

На белом свете было много адмиралов, но так любить, как Нельсон, не умел никто. Как раз в то время, о котором идет речь, Уинстон Черчилль подарил нам киноленту "Леди Гамильтон". Коробки с фильмом доставил в Архангельск один из Северных конвоев. Юнга Валентин Пикуль сторо-

*Публикуется с сокращениями

жил "Леди Гамильтон" на палубе эсминца возле зенитного пулемета. Нам нравился адмирал еще и потому, что начинал он в 12 лет юнгой на фрегате в Индийском океане.

Неведомо каким образом вся пацанва от Чечеловки до Лоцманки в один миг прознала о комиссии, которая отбирала кандидатов в Херсонскую школу юнг. Но она узнала и ринулась штурмовать двери той комиссии. Мы жили на берегах своих гаваней, терпеливо ожидая часа, чтобы "на корабль перешагнуть шутя".

Но случилась война. "Лапотники" бомбили и наши гавани, но им никак не удавалось потопить корабли, там отшвартованные. Это было невозможно хотя бы потому, что для этого немцам надо было бы убить всех мальчишек страны. Ведь гаванями для наших кораблей были наши души.

Между тем на улицах Днепропетровска, Краматорска, Одессы, заглушая звуки губных гармоник, то здесь, то там звучали песенки о том, что "в Кейптаунском порту с какао на борту "Жанетта" поправляет такелаж", а "из-за пары растрепанных кос, что пленяли своей красотой, с оборванцем подрался матрос", но чаще всего мы пели эту:

В нашу гавань заходили корабли,
Уютна и прекрасна наша гавань,
В таверне пировали моряки
И пили за здоровье капитана.

Слово "таверна" кружило головы. Оно никоим образом не могло соседствовать со всеми этими "хальт", "аусвайс", "хенде хох". "Таверна" была из другого мира. Поэтому, когда укрепился слух о школе юнг, подростки рванули из подворотен войны к морю, парусам, красоте. Исаака Майзлина не принимали: не было у него справки об окончании пяти классов.

- Приносите справку, тогда...
- А где я ее возьму? Мы только с Урала вернулись.
- Найдите двух свидетелей, заверьте их подписи круглой печатью...

Ах, этот Майзлин, знаменитый тренер баскетбольных команд страны. Он таки да нашел справку. Мама и бабушка поставили подписи, а домоуправ тиснул печать!

В том сентябре 1944 года случилась еще одна потрясающая история. Начало ее заметил Саша Суровцев, рослый блондин с фигурой атлета. Снизу от Озерки к углу Пушкинской поднималась трамвайная платформа. На ней лежала какая-то статуя. Саша подошел ближе. И увидел... Пушкина!

Несколько дней спустя после того как немцы вошли в город, трамвайчики ночью сняли памятник Пушкину с пьедестала и спрятали. Теперь же возвращали обратно. Александр Сергеевич лежал, задумчив и тих.

— Братва! Сюда! Ко мне!

Саша был рожден лидером. Сын учителей с Федосеевской улицы, Суровцев приобретет непререкаемый авторитет и в школе юнг, и на кораблях, где ему доведется служить, и на доменной печи в Кривом Роге, где доведется работать. Слава о комсомольско-молодежной бригаде Суровцева в 60-х годах гремела в Украине. Я тогда был собкором "Комсомолки" и много писал о "капитане" Суровцеве, не подозревая о его моряцком прошлом.

Ловко управляясь талями, Саша с ребятами вернули Пушкина на свое место. Так город снова обрел свое подлинное лицо. Позже, построившись в колонну по пятеро, мальчишки двинулись через весь город к Южному вокзалу. Многие запомнили, что на груди у поэта, там, под самым сердцем, — два пулевых отверстия. Одно понятно: Дантес, а кто еще стрелял в Александра Сергеевича? Ответа на этот вопрос не было, и подростки могли только гадать, кто на самом деле всадил еще одну пулю в бронзовое тело поэта.

До Победы оставался двести сорок один день.

На Южном вокзале их провожали мамы, "королевами" они еще не успели обзавестись. Елена Владимировна Суровцева после отъезда сына станет чуть ли не каждый воскресный день поджидать на Федосеевской улице, ведущей к вокзалу, ребят в матросской форме. Пригласит к себе: накормит, напоит, обстирает. Невелика жилплощадь у Суровцевых — девять квадратов, а случалось — спало по двадцать юнгашей. То баночку варенья, то кукурузных лепешек, то картошки в мундирах передаст мама с оказией Саше. И не было случая, чтобы оголодавшие юнги хотя бы кусочек отщипнули от тех "тормозков".

Здание, в котором поместили школу в Херсоне, принадлежало когда-то губернатору края. Комнаты с высоченными потолками еще помнили грузные шаги одного из основателей Херсона — генерал-фельдцейхмейстера флота Ганнибала, близкого родственника Александра Сергеевича. Арап Петра Великого, Ганнибал, погиб при осаде Очакова и был похоронен внутри ограды храма Спасителя. Комнат в доме было много, но не все удалось застеклить. Были окна и из пол-литровых банок. Смекалистый Вова Ролин аккуратно выставил четыре банки, образовав форточку. Жить было можно. Конечно, не так, как в Царскосельском лицее, да суть

в ином — в счастье быть вместе, дышать одним воздухом с друзьями, а через них понимать и свою связь со всем миром. Бывало, Ролин брал гитару и напевал с придыханием, от чего барышни на Нахимовском проспекте падали штабелями налево и направо:

Когда в море горит бирюза —
Опасайся шального поступка:
У нее голубые глаза
И дорожная серая юбка...

А эти переодевания в новую форму! Пуговка с якорьком на базаре стояла пайку хлеба. Попробуй сберечь. Пробовали — не получалось. За лентами к бескозыркам мчались на "пятьсотвеселых" поездах в Одессу. За те же пайки приобретали черные ленты с золотым тиснением: "Торпедные катера ЧФ", крейсер "Красный Кавказ", "Бригада тральщиков ЧФ". Начальство не обращало внимания на эти вольности. Самый свирепый ревнитель флотской дисциплины полковник Старушкин жил в Севастополе. Так что форсить можно было во весь рост. Щеголю Сергею Кобзеву, будущему штурману дальнего плавания, посвящалось это:

Когда он шел своей надменной походочкой,
И, как фрегат, кренился на бочок,
Себя я ощущала утлой лодочкой,
И этим самым он забрасывал крючок...

До Победы оставался восемьдесят один день.

Начальником школы был Василий Максимилианович Москалини, приятель капитана Алексева. Того самого Алексева, который на "Старом большевике" возил в республиканскую Испанию оружие и добровольцев, а обратным рейсом однажды привез золото Испании, за что и был награжден орденом Ленина. Перед самой войной Алексеев принял учебный барк "Товарищ". На нем-то и должны были проходить практику юнги из Херсона, как до них проходил ее Александр Маринеско. Но "Товарищ" пропал. К осени 1944 года мало кто знал, что случилось с парусником, командой и капитаном.

Между тем в том же сентябре 1944 года я поступил в Костромской военно-морской клуб. Для этого мне пришлось из Грозного добираться в город на Волге. Там находился папа, отозванный с фронта преподавать в Ленинградском военно-инженерном училище. И вот, проникнув с обратной стороны вагона в окно туалета, я оказался внутри поезда. Он был на-

бит людьми, как бочка сельдью. Спать можно было или стоя, или привязавшись к вентиляционной трубе на крыше вагона. Но я добрался. В Костроме шел снег, было очень холодно. Печи в помещении клуба топил дневальный. В тот день дневалил я. Из открытой двери класса донесся голос начальника, капитан-лейтенанта Жданова:

— Я расскажу вам о паруснике "Товарищ". Парусники называли невестами ветра...

"Невесты ветра"... Призвав к груди березовое полено, я стал слушать дальше. А перед глазами моими все еще стояли обугленные дома Старых промыслов Грозного. Бомбы особого вреда не причинили, их и упало на город всего десятка полтора, а вот нефть горела долго. Между тем я споткнулся, и полено выпало из рук. На грохот Жданов обернулся. Раненый в позвоночник, Жданов носил жесткий корсет. Я это знал. Знал, каких невероятных усилий стоит ему каждое движение, и был готов провалиться сквозь землю. Жданов смерил меня взглядом, ничего не сказал и продолжил:

— Барк "Лауристон" был построен в 1892 году в Англии. Это был чайный клипер. "Клипер" с английского значит "стригун". Корабль своим легким и узким корпусом как бы подстригает верхушки волн. Он был поставлен на линию Холихед — Калькутта. Затем попал в Россию, где получил новое имя "Товарищ". Мы с Васей Москалини проходили на нем практику. Вася вытащил меня с поля боя во время Керченского десанта. Сам он, кажется, погиб. После войны кому-то из вас посчастливится ступить на палубу "Товарища"...

Так получится, что в 1955 году на борт развороченного взрывами "Лауристона" — "Товарища" поднимусь я. Но это совсем иная история. Суть в том, что имя Москалини я услышал в одно время с юнгами из Херсона. В наставники им попался храбрый и опытный человек. Но и он допустил ошибку. Касалась она Юрия Нефедова. Прошлое, настоящее, будущее — живут одно в другом, что позволяет нам свободно передвигаться во времени и пространстве. Воспользуюсь этой возможностью и я.

Юнга Нефедов попал во вторую роту. Их-то и послали в Горностаевку убирать кукурузу. В местном колхозе председательствовал одноногий сержант. Он выменял хряка в надежде быстро восстановить стадо хрюшек. Глаз не спускал председатель с животного. Да разве за юнгами успеешь? На беду в роте оказалось несколько винтовок СВТ-40. Конечно же, с просверленными на стволах дырками. Но что стоит те дырки заварить? Заварили — зарядили. Хряку пришел каюк. Инвалид-председатель

плакал, как малый ребенок. Начали искать виновных. Но, как это часто бывает, зацепились не за тех. Негодяи подставили вместо себя ребятню. На них-то и набросился ротный.

Нефедов вышел из строя и говорит:

— Это не они.

— Молчать!

— Я не дам их трогать.

— И мы не дадим!

Рядом с Юрой встали еще трое воспитанников: Толя Лючков, Боря Лысенко, Вова Потапов.

Ах, бунт! Связать их!

И связали. Все так быстро произошло, что рота, знавшая истину, глазом не успела моргнуть. Нефедова и его друзей доставили к Москалини. Тот, глянув на рапорт, сказал:

— Будем судить.

Карцер не лучшее место на земле, но еще тягостнее и больнее несправедливость.

Вечером пришел дежурный, "обрадовал":

— Всех четверых исключают из школы. Приказ подписан.

Так оно и случилось. Бандиты заслонили мальчишкам дорогу к морю.

Юрию Нефедову удалось попасть на фронт. Через несколько суток боец Нефедов принял свой первый бой в Восточной Пруссии.

Однако в школе юнг случай в Горностаевке не забылся. Тех, кто на самом деле совершил преступление, нашли и судили. Но не только этим кончилось дело о "возмутительном поведении юнги". Не только...

Несколько дней назад шестеро бывших юнг встречались. Пригласили и меня. С той поры, когда мы носили голландки, минуло 55 лет. Мы по очереди ныряли в юность, как в теплое море. И это было прекрасно. Иное дело, что "звезда пленительного счастья" оказалась не там, где мы все ее искали. То цели были ложными, то средства — негодными. Как, впрочем, и сейчас. И все же каждый из нас мог сказать вслед за Нельсоном: "Когда я имел счастье быть юнгой...". Иное дело, что счастье это было таким коротким, таким упоительно прекрасным, что, случалось, мы его даже не замечали. Разве замечаешь воздух, которым дышишь?

Когда мы расходились, Валька Флякс при свете уличного фонаря показал татуировку на руке выше запястья:

— Смотри сюда.

Но увидел я не якорек, что было вполне ожидаемо. И даже не русалку,

что тоже имело бы место. Я увидел... поросенка! Оказалось, что в память о случае в Горностаевке многие юнги сделали себе наколку. На память "о тех юнгах".

Между тем в то время, когда в Херсоне ребята учились балльным танцам, учились вязать морские узлы и определять курсовые углы, солдат Нефедов выполнял приказ. Надо было с одного берега реки на другой перенести две катушки с телефонным проводом. Шквал пулеметного огня, ледяная вода по горло. Шестнадцатилетний солдат приказ выполнил. Он обеспечил надежную связь между своими. Батальон пошел в атаку.

До Победы оставалось одиннадцать дней.

На войне каждый миг — вечность. Нефедову повезло — он остался живым. Как только появляется возможность, Юрий приезжает на место боев, чтобы положить цветы на могилы однополчан. Ведь на самом деле существует правило — кладбища, которые никто не посещает, сравнивают с землей. Поминальные дни даны нам для того, чтобы не забывать своих долгов перед ушедшими.

А лицей — это образ места, где воспитывались чувства дружбы, любви, долга. Без них любой вид деятельности бессмыслен, а сама жизнь — бесцветна и агрессивна. Для кого-то лицеем стала школа юнг, для кого-то — землянка в три наката, для кого-то — тот круг людей, с которыми пришлось учиться или работать. Юнги, о которых я рассказал, и сейчас верны идеалам своей юности. Иное дело, что идеалы эти стремительно заменяются другими. Однако, если на фарватере вдруг меняют навигационные знаки, то корабли или гибнут на мелях, или приходят не к тем причалам. Похоже, что именно так случилось с нашей сегодняшней действительностью.

А море — это великая тайна. Оттого, вероятно, оно и влечет всех нас к себе, как бы приглашая к разгадке. Если верить, что улитки эволюции вытаскивали из соленой купели жизнь, то в каждом из нас живет остаточная память о своей прародине. Известно также, что вода обладает памятью. Мировой океан — хранилище несметного количества информации обо всем том, что было и есть по ту и по эту стороны Млечного Пути. Добыть бы ключик к тайнам капли воды, и тогда бы открылись знания новых технологий, но владеть ими смогут лишь люди высокой духовной культуры.

Приходите чаще к синим зеркалам морей. Волны рассказывают, все рассказывают волны...

Недавно я стоял на берегу своей гавани. Цвели яблони, бело-розовое

пламя трепетало на свежем ветру с Атлантики. Казалось, оно что-то хотело сказать. Я прислушался и услышал:

И карлики с птицами спорят о гнездах,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

Пьеса не окончена.

Антракт.

Встретимся в "синем и далеком океане, где-то возле Огненной Земли..."
Но до Огненной Земли далеко. Я обещал рассказать о "Товарище".

Где твои юнги, "Товарищ"

Парусник "Товарищ" появился в Костроме зимой 1944 года. За окнами Военно-морского клуба мела метель. Сугробы придвигались к подоконникам. Возле печи стоял вахтенный. В его обязанности входило подбрасывать в огонь березовые поленья. Их мы вырубали баграми и топорами из-под льда на реке Костромке, притоке Волги. Потом на санях волокли во двор клуба. Пилили на козлах, кололи и складывали под забором. В классе всегда пахло лесом.

Класс — бывший купеческий лабаз, полутемное квадратное помещение с цементным потолком — вмещал массивную тумбу компаса, восемь столов и столько же скамеек к ним. Сидели по шестеро, тесно прижавшись друг к другу. Конспекты писали между строчек книг. Мне досталась "История российская..." Татищева. В страницы, повествующие о дальней старине, ложились точные цифры о вооружении, скорости, количестве экипажей на кораблях немецкого флота.

Наш начальник, капитан-лейтенант Жданов, начинал новый курс. Назывался он "Силуэты кораблей".

Шла война. По силуэтам кораблей моряки определяли своих и чужих. Конечно же, мы ждали, что начальник поведет речь о боевых кораблях. Однако Жданов повесил на классную доску рисунок парусника. До сих пор я слышу слова той лекции:

— Их называли "невестами ветра".

Класс замер. Мы тогда и слов таких не слышали: "невесты ветра". В каждую маленькую жизнь мальчишек, эвакуированных из Ленинграда, Краматорска, Грозного, уже отбомбились "юнкерсы". Жизнь измерялась сводками Совинформбюро. Хлебные карточки казались бесценным со-

кровищем. Быт был беден. Бушлаты нам пошили из серых байковых одеял. Форменная пуговица с якорьком ценилась в шестьсот граммов хлеба. Одну тельняшку делили на множество лоскутков: лишь бы были видны на груди три бело-голубые полоски. К ним-то и шел парусник.

— 17 октября 1882 года, — продолжал Жданов, — компанией Воркмен Энд Кларк был спущен на воду клипер "Лауристон". Клипер с английско-го означает: "стригун". Судно, которое как бы подстригает своим легким корпусом верхушки волн. Создателем клиперов считается Джон Гриффт. Он отказался от пузатых корпусов, приблизив свои творения к формам морских рыб. От тех времен сохранилось выражение: "длина бежит". Ведь клиперы строились таким образом, чтобы их длина почти в шесть раз превышала ширину.

Жданов взял в руки указку и продолжил:

— Паруса на этом корабле подняты на всех мачтах в шесть этажей. Самый высокий лоскут парусины называют трюмседем — "небесным парусом".

Мы слушали, затаив дыхание. Дневальный прижал к груди березовые чурки, он позабыл о своих обязанностях. "Небесные паруса" украсили бывший купеческий лабаз. Жданов вел дальше:

— "Лауристон" был поставлен на Восточную, или чайную, торговую линию. Известны его переходы: Ливерпуль — Рангун за 95 дней. Из Холлихеда в Калькутту за 96 дней. По тем временам результат превосходный. В конце 1910 года фирма, владевшая парусником, продала его за четыре тысячи фунтов стерлингов другой. От нее судно перешло к нам, в Россию. Его хотели использовать в качестве баржи для перевозки грузов из Англии в Мурманск. Потом "Лауристон" оказался на Балтике. Простоял на приколе несколько лет. После победы Октября стране потребовались свои капитаны. Учебным классом для них и стал "Товарищ", бывший "Лауристон".

— Почему "Товарищ"? — решил кто-то на вопрос.

— Наверное, потому, что матрос в дословном переводе означает: "товарищ по мачте". Закончится война, и кому-нибудь из вас доведется побыть на "Товарище"... Я проходил там штурманскую практику...

Жданов не знал тогда, кто и где уничтожил парусник.

Минуло много лет. Однажды я попал в Мариуполь. Вышли в море на прогулочном катере. Сбоку от входного канала в порт увидели какой-то затопленный корабль. Он лежал на мелководье с развороченным взрывом правым бортом. Нос был задран вверх. Полустершаяся надпись ударила в сердце: "Товарищ"...

Потом уже отыскивались подробности. В начале 1941 года барк вышел в море на учебную практику. Капитаном был Павел Семенович Алексеев. Тот самый Алексеев, который не раз водил суда в порты республиканской Испании. Война застала экипаж "Товарища" на пути в Новороссийск. Там Алексеев ушел воевать. Списались на другие корабли курсанты. "Товарищу" было велено идти в Мариуполь, как тогда казалось, — в глубокий тыл. Однако уже в сентябре немцы овладели городом. Оказался в плену и "Товарищ".

По свидетельству капитана первого ранга В. Седлецкого, моряки Азовской военной флотилии несколько раз пытались увести судно к своим. Торпедные катера подбирались к нему совсем близко. Однако встречали сильный орудийный огонь и отходили. Бывший разведчик, моряк Черноморского флота В. Павлов рассказывал, что бывал в городе, но так и не узнал, что творится на легендарном барке. Не раскрыта эта тайна и по сей день. Разгадка ее и сдружила нас с Олегом Ванденко, капитаном нового "Товарища".

Корабли не умирают. Учебное судно Херсонского мореходного училища имени лейтенанта Шмидта продолжает нести вахту, соединяя прошлое с настоящим. "Товарищ" стоит в Херсонском порту и трется кранцами о берег. Паруса убраны в баталерки, экипаж в отпусках. Ванденко я застал дома. Он переезжал на новую квартиру, и на его столе громоздились папки с бумагами — личный архив. Перебирали вместе. Странное дело: Олег узнал о существовании "Товарища" в том же 1944 году. Только не в Костроме, а на Дальнем Востоке. Узнал от отца. Тот был военным моряком. Сына Ванденко-старший хотел видеть музыкантом. Олега же звал Тихий океан. Однажды вместе с братом они построили плот, набрали дома продуктов... Ремень отца умерил пыл мореходов. Но дорога была выбрана. После войны семья возвратилась на родину в Херсонскую область. В мореходное училище Олег пришел пешком. И была у него практика на паруснике. Случилось, зашли в Новороссийск. Нес вахту у трапа. Подошла женщина, попросилась подняться на палубу, венок оттуда бросить в море... Оказалось — жена капитана Алексеева. В Цемесской бухте погиб военный лоцман, бывший капитан "Товарища". Немецкие бомбы раскололи лоцманский катерок.

После окончания училища Ванденко распределился на танкерный флот. Он уже совсем собрался, как вдруг получил предложение — четвертым помощником капитана на "Товарищ". Впрочем, не совсем вдруг. Годом раньше случилась с Олегом история. Говорят, что только два челове-

ка совершили такое: поднявшись на фок-мачту, сделали на рее стойку на руках. Первым в моряцком фольклоре значится юнга Александр Маринеско, будущий командир подводной лодки С-13. Это он в конце войны послал на дно лайнер "Вильгельм Густлов", на борту которого находилось восемь тысяч гитлеровцев. Флотские историки не знают подвига, равного этому... Не берусь утверждать, что толкнуло курсанта Олега Ванденко на акробатический номер. Так или иначе, юноша уперся башмаками в небо. Замечу: при хорошем ветре амплитуда колебаний фокарея больше четырех метров. Тогда ветер был что надо. Капитан парусника "не заметил" проступка курсанта, однако фамилию запомнил. Он-то и рекомендовал Ванденко на вакантную должность.

Четвертый, третий, второй, старший помощник... В 1968 году Ванденко — капитан. Ему исполнилось тогда тридцать три.

Моряк — это очень трудная работа. Прекрасен барк под всеми парусами. Они, как облака, приникли к мачтам. Но облака эти создаются руками экипажа. У каждого курсанта "своя" мачта. Как только звучит команда: "Приготовиться идти вверх, паруса ставить!", так раздается топот ног по палубе. Почти десять тысяч "мореходцев" из Херсона, Одессы, Мурманска, Ленинграда прошли на нем школу. Недавно Олег Павлович и команда привезли домой два самых почетных приза: Камень с мыса Горн и модель "Катти Сарк", быстрее клипера своего времени.

Летом 1957 года вместе с фотокорреспондентом газеты "Комсомолец Донбасса" Борисом Витковым бродили по палубе "Лауристана". Барк был разбомблен осенью 1943 года нашей авиацией, очевидно, случайно во время налета на Мариуполь. Накануне наступления наших войск в оккупации "Товарищ" служил бординг-хаузом (общежитием) для немецких моряков. Любопытно, что в строго секретном и личном послании от премьер-министра г-на Уинстона Черчилля г-ну Сталину сообщается о том, что немцы уже назначили адмирала, которому будут поручены военноморские действия на Каспийском море. Своей базой они избрали Махачкалу. От Грозного, где тогда жил я, это рукой подать. Около 20 судов, включая итальянские подводные лодки-малютки для подводных диверсантов, торпедные катера и тральщики, должны были быть доставлены по железной дороге из Мариуполя на Каспий. Для этой цели строилась специальная железнодорожная ветка. Немецкие военные моряки облюбовали "Товарищ" под свое временное жилье.

Послание помечено октябрём 1942 года. Примерно в это же время, развивая наступление на Северный Кавказ, немцы высадили десант на

озере Рица. Отряд особого назначения был доставлен сюда на самолетах "Амфибия". Бывший курсант Бакинского пехотного училища Юрий Кузнецов, позже корреспондент "Известий", мой друг, участвовал в уничтожении этой диверсионной группы.

В мире не так много осталось "невест ветра" и, вероятно, поэтому они знают друг о друге буквально все. И не только знают, но и собираются на "смотрины", которые носят название "Операция "Парус". Но гонки гонками. Случается, приходят приглашения совершенно удивительные, такие, например, как вот это:

"Фрегат "Созвездие". Док "Созвездие". Балтимор. Мэриленд. 212027. Парусному судну "Товарищ".

Дорогие товарищи и морские друзья!

Мы сердечно приглашаем Вас быть нашими гостями в Балтиморе по случаю 175-й годовщины спуска парусного судна "Констелейшен"... Празднование годовщины старейшего американского судна, находящегося все еще на плаву, планируется нами со 2 по 8 сентября...

Мы надеемся, что Вы запланируете Вашему прекрасному судну этот визит. Убедительно просим сообщить нам Ваше решение как можно скорее".

"Товарищ" вышел в море. Рейс через Атлантику всегда сгусток мужества. Судовой журнал хранит не просто хронику будней команды. При внимательном чтении обнаруживаешь капитанский характер. Вот тут Ванденко чуть медлит, словно прислушивается к сообщениям, предупреждающим о рождении циклона "Бетти". Следующая запись — результат принятого решения: судно круто меняет курс. Но на пути разводит бешеный ветер только что родившаяся "Кэри". Вновь маневр. Между тем на борту судна заканчиваются работы по замене парусов. Обычно это делается на стоянке, дома, но тогда бы они опоздали на randevу в Балтимор. Ванденко во всем человек слова. "Товарищ", пройдя почти семь тысяч миль, принял салют старинных пушек "Констелейшена".

Четверть века ходит под парусами Олег Павлович. Старшая дочка Люба, когда была школьницей, хранила карты с нанесенными на них отцовскими маршрутами. Канарские острова, остров Святой Елены, Бермудские острова... Отец хотел, чтобы дочка была музыкантшей. История повторилась: не послушалась, подала документы в медицинский институт.

И еще немного о характере. Атлантическая регата "Операция "Парус" была одной из самых представительных. И так, Плимут. "Товарищ", только что отремонтированный в Швеции, казалось, не слышал сигнала о старте. Ванденко пропускал соперников вперед. Ему нужна чистая вода.

Он знает, что команда еще не привыкла к новым дакроновым парусам. Маневрировать в стартовом строю опасно.

Можно, как это уже не раз случалось с другими, столкнуться корпусами. Наконец, подняты якоря. Однако скорости нет. Дакрон не хочет так просто отдавать свои секреты. Трое суток экипаж учится стоять на вантах. Ванденко не сходит с мостика. Лишь возле Португалии они, наконец, настигают фаворита, польский парусник "Дар Поможа". Какое-то время идут борт о борт. Маневр парусами. Еще один. В порт Санта-Крус-де-Тенериф "Товарищ" входит первым. Не было ему равных и на остальных этапах многомильной дистанции. Победителя ожидал Камень с мыса Горн и серебряная модель "Катти Сарк".

О "стригущих волну" клиперах написаны библиотеки книг. Немало известно и о суровом мысе Горн. Смертельной опасностью грозит он смельчакам. Я видел серо-зеленого цвета обломок скалы, уложенный на подставку из красного дерева. Ничего особенного. Просто напоминание о мужестве бесчисленного количества мореплавателей и не мореплавателей. Ведь недаром Герман Мелвилл, автор "Моби Дика" и "Белого бушлата", утверждает, что моряк ты или не моряк, для всякого уготовлен в жизни его Мыс Горн.

А парусник "Товарищ", как и мечта, возникает внезапно. Когда-то он забрел в Кострому и на Дальний Восток. Недавно мой внук Коля вдруг задел меня фразой:

— Знаешь, ведь их называли "невестами ветра".

Я заторопился в Кострому. Нашел Андрея Федоровича Жданова. Обнялись. Долго говорили, вспоминали товарищей по мачтам наших мальчишеских клубовских корабликов. А со стены глядел барк "Товарищ". Тот самый, из 1944 года.

Когда я вернулся из Костромы в Москву, в редакции "Комсомолки" меня ждало письмо от старого друга Саши Варламова.

Рассказ Александра Варламова

Снова встретился с Татьяной Федоровной Алексеевой. Из ее кабинета на Приморской из окон виден лес мачт, пакгаузы, волнорез, Одесский маяк и рейд с судами под разными флагами. В кабинете — селектор, звонящий ежеминутно, морские карты, рабочий стол красного дерева и много порядка, слишком много для этой суматошной организации. Она сама — пожилая, чуть-чуть грузновата, курит, высекая огонь из австрийской

зажигалки. Чтобы говорить с ней, надо отпустить английский замок и крепко хлопнуть дверью. Иначе нельзя — морской народ в крабах и химвалит валит безостановочно. Еще одна маленькая деталь о ней как о человеке, хранящем память. В апреле 65 года "Моряк" опубликовал крохотное письмо капитана Геленжикского порта Соколова "Бесстрашный капитан", где вспоминал Алексеева (служил под его началом), предлагал присвоить имя Алексеева какому-нибудь новому судну пароходства. Татьяна Федоровна ответила через газету 10-ю строками благодарности. Ответ скорее похож на то, что публикует "Правда" "от семьи покойного", только очень-очень тепло и грустно. И сама она плакала (мне очень не хотелось повторять этого), вспоминая мужа. Мне было неловко. И вообще после всего, что я узнал о нем — о капитане Алексееве, — о ней, об их друзьях-товарищах, осталось впечатление чего-то очень высокого и красивого. Моряки 30-х годов, которые затем видели тридцать седьмой и сорок первый, они были могиканами советского торгового флота. И, наверное, последними. Потому что сегодня на флоте много разговоров о тряпках и выгодных рейсах, о валюте и выпивке. Я много видел стариков из флотских. Рядом с ними нынешние ребята, которых мы старательно приукрашиваем, ничего не стоят. В тех был какой-то блеск, огромнейшая гордость за свою касту, а все другие черты их характера (смелость, порядочность, верность, даже внешний вид) — все они шли уже отсюда, из гордости. Я не старая дева, меня еще не упрекнешь тем, что "старое было лучше". Но я видел капитанов Романова, Карянова, Осташевского, Письменного, доцента высшей мореходки Богословского — в них много благородства... или лица у них какие-то особенные?! Алексеев, доживи он до наших дней, был бы похож на них. У них — ровная походка, они худы или не очень полны, почему-то все высоки, а лица запоминаются сразу, совсем неповторимые лица. Вон как много наговорил и, кажется, не совсем о том... Но я хотел сказать о том, что это были люди совершенно особые.

Теперь об Алексееве. Это — скорее его биография, весьма короткая, потому что, поверь, с ней (с Т. Ф.) было очень тяжело разговаривать и расспрашивать, видя, как она на это реагирует.

Павел Семенович Алексеев (1905) вырос в семье херсонских моряков со стороны матери — ими были дед, прадед, прапрадед. Ходили они на прославленных дубках — возили (Одесса, Очаков, Херсонес) все, что нужно морякам и рыбакам — хлеб, соль, арбузы... С 13 лет Алексеев ходил с дедом, варил юшку, чистил котлы (в которых варят), конопатил бока дубка, драил палубу. Представьте себе черноморский берег — много солн-

ца, много веселых отчаянных людей, много щедрости, моря, хотя в первые годы революции было трудно и тяжело.

Очевидно, в году 1922 поступил в Херсонскую мореходку. Училище готовило первые кадры для советского торгового флота. Это была и есть средняя мореходка, но в те времена высших не было, и она давала высшее образование. Он закончил морской техникум с отличием. Затем (тогда начинали так) — на флот и ступеньки: матрос, штурманский стажер и потом лишь самостоятельная работа.

Первое капитанство — с года 1934-го. Это был сухогруз "Терек", не-большой, о нем пока ничего не удалось узнать. И о времени капитанства на нем Алексеева — тоже. Вот другое судно — другое дело. Это был "Старый большевик", о нем ты знаешь по документу, который в том пакете проходит под № 11 (выписка из приказа № 445). Речь идет о перевозке леса на Севере, и в документе том об этом хорошо и полно говорится. Алексеев тогда поставил рекорд по загрузке.

Но самое интересное в биографии "Старого большевика" — его участие в испанских событиях. Татьяна Федоровна рассказывала об этом очень мало, Алексеев ничего тогда не говорил. Но ясно одно: "Старый большевик" — лесовоз — был послан в помощь республиканцам, ходил туда много раз с грузами, конечно же, военными, и с людьми. Ходил между портами Испании и в наши порты. По крайней мере, судна подолгу не было в Одессе. Алексеев рассказывал Татьяне Федоровне только о том, что приходилось прорываться к Испании под бомбардировщиками, что не всем это удавалось (вот тебе история с "Комсомолом"), что было очень трудно. Видимо, Алексеев и "Ст. Большевик" для Испании сделали очень много, Алексеева наградили орденом Ленина. Орден ездили получать в Москву. Вручал Калинин. Сразу после испанских событий все, кто отличился в них, получал высокие назначения. Мезенцев (капитан "Комсомола") стал начальником Черноморского пароходства, Алексею дали "Декабрист" — один из двух самых крупных судов пароходства (был еще "Трансбалт", кажется). И вдруг — неожиданно — с "Декабриста" его вызывает телеграммой нарком в Москву. (Они даже растерялись — чего это так неожиданно! Ведь год шел 1938-й!) Это было в ноябре 38 г. Вернулся из Москвы уже в новой должности — весьма и весьма почетной на флоте — капитаном "Товарища". Сам Алексеев был рад: любил парусник и любил курсантов.

За неделю до начала войны Павел Семенович с курсантами отправляется из Одессы в Новороссийск. Это — его последний рейс на "Товарище".

С началом войны, не ожидая призыва, отправил курсантов в училище и сдал судно своему старпому Куцепалову. Здесь начинается трагедия "Товарища". Передаю ее со слов Татьяны Федоровны. У Куцепалова в Одессе оставалась семья, он стремился во что бы то ни стало вернуться в город, но было уже поздно. К этому времени Одесса была уже в кольце. Тогда Куцепалов кого-то и как-то уговорил на бессмысленную и опасную операцию — перегнать судно в Мариуполь. Татьяна Федоровна говорит, что это был расчет явный: в Одессу бы судно никто не пустил, а Мариуполь был накануне сдачи, и Куцепалов рассчитывал остаться в городе, чтобы затем (уже при немцах) перебраться к семье даже ценой "Товарища".

Как и следовало ожидать, "Товарищ" разбомбили, и он затонул, еще долго над рейдом были видны его мачты. Загоревшееся судно успели огрывать. Так погиб "Товарищ".

Алексеев говорил Татьяне Федоровне, что он еще выяснит, кто виновник гибели судна. Судьба же Куцепалова сложилась так. В Одессу он все же вернулся, открыл при румынах какую-то лавочку и жил неплохо. Татьяна Федоровна уже после войны встречала его жену. Она сказала, что Куцепалова забрали наши уже после 1944 года и судили (я понимаю, что все это нужно проверить; как — ищу пути...).

Но — об Алексееве.

В Керчи он был назначен комендантом города. Но не долго. В 1941 году (из Одессы уходили беженцы) на Одесском рейде погиб крупнейший "пассажир" "Ленин", погибли тысячи людей, и вскоре — именно по этой причине, это был повод — командование Черноморского флота приняло решение заменить военных лоцманов на гражданских капитанов: они лучше знали море. Алексеев, как один из опытнейших, был назначен старшим военным лоцманом. Его подчиненные водили торговые и военные суда, а он участвовал только в крупнейших операциях флота. Так, он шел лоцманом на флагмане во время Камыш-Бурунского десанта (под Новый, 1942 год, в ночь с 31 декабря). Вернулся в Керчь седым. Вот одна из немногих деталей, о которой Татьяна Федоровна рассказала, опять же, со слов других. Алексеев двое суток стоял на мостике (минные поля, самолеты, береговая артиллерия — даже курить нельзя). Дойдя до берегов, он спустился в кают-компанию и, присев на минуту в кресло, раскурил трубку. Раз затянувшись, встал и снова пошел на мостик. Ударил бомба. То кресло разнесло в клочья. И еще — операцию вел какой-то адмирал. Он все грозил Алексееву: "Посадишь на мину — расстреляю..." Быть может, за этот десант Павел Семенович и получил орден Боевого Красного Знамени.

Дело шло к тому, что Новороссийск должен был сдаваться. Лоцманскую службу перевели в Геленжик. Связь между службой и штабом, который оставался еще в Новороссийске, была в один из дней нарушена, и Алексеев вскочил в свой катер и велел идти на Новороссийск. С берега ему кричали, чтоб возвратился. Не послушал. Не дойдя несколько сот метров до Новороссийска, катер был обстрелян немецким самолетом. Бомба упала рядом и разбила катер. Алексеева, израненного, без сознания, сняли в последнюю минуту, положили на причал и накрыли брезентом. Увидев, что жив все же — нашли грузовик и отправили в Геленжик, где были уже все госпитали. Но в 11 ночи он умер. В госпитале Татьяне Федоровне передали некоторые документы и почему-то китель — весь изрезанный и в крови.

В мае 1965 года Татьяна Федоровна была в Геленжике впервые за 25 лет (до той поры она не могла приехать в город, на могилу) хотя, как зам. начальника службы пароходства была постоянно и в Новороссийске, и в Керчи, и т. д. Взяла в Новороссийске автобус, купила все цветы, что были на базаре, но могилы мужа не нашла. Все цветы рассыпала на безымянные могилы военных лет...

Вот и все.

Дочь вышла замуж, но фамилию оставила Алексеева. Может, мать не советовала менять фамилию. Я всегда восхищался ее верностью и, честное слово, никогда больше не встречал женщины, которая бы волновалась так, вспоминая о муже спустя 25 лет после его гибели.

О ней самой — тоже пару слов.

Она одесситка. Никто из семьи не был связан с морем. Но, видать, в Одессе и такое бывает — вдруг 15-летней девчонке захотелось стать моряком. Принесла документы в мореходку. Здесь долго выясняли через Москву: а можно ли? Москва ответила — можно. Татьяна Федоровна стала курсанткой. Первой в истории Черного моря. Затем — после училища — стажерство и самостоятельная работа на пассажирском судне "Кречет". Алексеев был на нем III помощником, она — IV-м.

Вскоре они поженились.

Это был 1931 год. А в 1934-м родился сын Сергей. Он ходит стармехом на танкере "Рихард Зорге".

Рассказ капитана Агафонова

Рано утром мы выходили с Феодосийского рейда. Надо, пожалуй, напомнить, что на "Товарище" даже четырехтонные якоря поднимались

вручную, а ведь вытравливали цепь иногда до самого жвака-галса. Представьте теперь — сколько надо было затратить сил, чтобы преодолеть ветер и течение, поднять и аккуратно уложить в канатные ящики 300-метровую цепь!

Итак, 12 смычек каната — немалый груз (а все цепи весили около 40 т) — предстояло выходить из-за борта. Руководил этим всегда сам главный боцман Иосиф Адамович Хмелевский — старый опытный моряк парусного флота, любивший и знавший свое дело до тонкостей. В те времена не было моряка, который не слышал бы об Адамыче, так обычно его звали. Он занимал на "Товарище" совершенно особое место, был как бы его составной частью.

Для подъема якоря он вызвал все три вахты — почти всю команду практикантов; четверых посылал в канатные ящики — растаскивать и укладывать тяжелые звенья цепи, восемь — на брандспойт, смывать ил, а около сорока вставали на выхаживание. Оставшийся резерв был подсмеивной для уставших.

Каждые четыре-пять человек брали вымбовку — дубовую вагу — и, вставив ее в гнездо шпиля, наваливались на нее руками. А таких вымбовок было десять. Термин "выхаживать" и произошел от слов "ходить вокруг" шпиля, приводя в движение его баллер. Работа тяжелая, нудная. Когда мы начинали уставать, цоканье палов о палгун становилось все реже и реже. По этому цоканью Адамыч, не глядя на нас, а видел он уже плохо, знал, что выхаживание замедляется.

— Вижу, вижу, кто сачкует! — кричал он. — Вот погоди, заставлю его якорь точить, кнехты мушкетом осаживать! А ну-ка навались, орлы!

Ребята весело смеялись, палы снова цокали быстрее. Около двух часов продолжалось выхаживание. Как только якорь отрывался от грунта, все облегченно вздыхали, а с юта, где находился капитан, по всему кораблю разлетались слова команд, смысл которых понятен лишь тем, кто знает хитроумную науку парусного дела.

Постановка парусов много времени не занимала, но была напряженной, ответственной и не менее тяжелой работой. Вес больших прямых парусов с оснасткой доходил до полутонны при площади около 180 м². Поэтому в постановке паруса, например, нашего верхнего марселя, участвовало по 20-25 человек. Поднимали его вместе с трехтонным 20-метровым металлическим реем и всей оснасткой, выбирая марса-фал. В шуточной песенке, которую сочинили на "Товарище", говорилось, что мы "до смерти не забудем, как тягали брас и марса-фал". Брас — это снасть, которая

поворачивает рей с парусом, и "тягать" его было нелегко. Галс занимал особое место в бегучем такелаже, так как был стальным и выбирался шпилем втугую, без слабины. Им обтягивали наветренную шкаторину паруса, когда шли в бейдевинд. А всего таких парусов одновременно нужно было поставить 18, да еще 13 косых!

Руки от работы с тросами были в мозолях, а все тело поначалу болело страшно. Со временем боль в мышцах притупилась, тяжелая физическая работа стала привычной.

Итак, покинув Феодосийский рейд, "Товарищ" вышел в море, а уже к полудню ветер стих, и ход уменьшился так, что судно почти не слушалось руля. Чтобы учесть пройденное расстояние, пришлось прибегнуть к "планширному лагу", так как механический столь малую скорость не показывал. Обычно брали на камбузе полено (за что попадало от коков) или иной плавающий предмет и бросали его в воду вперед по ходу судна. Когда предмет оказывался против белой полосы на планшире в носовой части судна, замечали показание секундомера. Затем спешили к кормовой белой черте и снова смотрели на секундомер. По заранее рассчитанной таблице по времени получали скорость.

К счастью, наши широты не славятся долгими штилями, вскоре потянуло с юго-запада. Паруса стали оживать, едва ощутимое дыхание ветра вывело судно на курс, а вскоре паруса выпятили пузо и под шелест бегущих волн стали увлекать за собой тяжелый корпус корабля.

Красивое зрелище представлял "Товарищ", когда бесшумно, словно волшебный, шел под всеми парусами! Целая стена парусины обеспечивала при хорошем ветре 12-узловую скорость, а ведь большинство пароходов ходило тогда не быстрее 10 узлов. Да, было что посмотреть!

Помню, на горизонте показался какой-то пароход. Он шел вдали на траверзе левого борта, но затем резко изменил курс в нашу сторону, подойдя ближе, замедлил ход и, обойдя с кормы, пристроился на правом траверзе. Его команда высыпала наверх и оживленно приветствовала нас. Вскоре пароход лег на свой курс и скрылся.

— Зачем он это сделал? Ведь они потеряли пару часов! — спросили мы своего капитана Эрнеста Ивановича Фреймана.

— Вероятно, — сказал он, — капитан парохода не устоял перед соблазном посмотреть на нас поближе. Увидеть такое судно под полными парусами в наши дни — чрезвычайно редкое событие.

Ветер постепенно усиливался. У форштевня выросли буруны. "Товарищ" шел в бейдевинд, почти не имея бортовой качки, слегка накренив-

шись на левый борт (на 6-8°). Идти долгое время, не меняя галса, справлялась одна вахта, а две другие могли жить нормальным судовым расписанием, что особенно было важно ночью. Если же приходилось делать поворот оверштаг, играли аврал, и даже ночью спокойного сна никому не полагалось — таковы уж условия службы на паруснике! С поворотами на попутных курсах чаще всего справлялась одна вахта. Спящих не будили, но они должны были сменить изголовье, так как менялся крен. Специальной команды на этот счет не подавалось, но ребята быстро научились "разворачиваться", даже не просыпаясь. Утром по этому поводу можно было услышать недоуменные размышления: "Ложился головой к борту, а встал — к переборке. Интересно, когда же был поворот?".

Ветер все крепчал. "Товарищ" усердно отвечивал поклоны морской стихии. Он то врезался своим громадным форштевнем в воду до самого бушприта, то вздымался так, что белые верхушки волн и серые спинки чаек становились видны с высоты четырехэтажного дома.

Только к вечеру ветер стал заходить и слабеть. Мы шли крутым бейдевиндом левого галса прямо на обрывистый крымский берег. В лучах заходящего солнца казалось, что горы сами наваливаются на корабль. Это зрелище стало тревожить многих новичков. "Почему капитан не объявляет аврал? — спрашивали они друг друга. — Ведь мы, того и гляди, врежемся в скалы".

Но прошла еще одна томительная минута, прежде чем спокойный, ровный голос Эрнеста Ивановича оповестил, что время играть аврал. В тот же миг засвистели дудки, послышался звонкий голос старпома Дворовенко. Четкие, отточенные в каждом слове команды, — и корабль стал похож на муравейник, кишачий белыми парусиновыми робами курсантов. Все 190 человек впились в рукоятки двух огромных штурвалов. Сейчас начнется маневр!..

"Товарищ" сначала рванул вправо. Жутко было смотреть, когда, взяв больше ветра, он увеличил ход, идя прямо в берег. Но еще через мгновение судно круто пошло влево — пересекать линию ветра. Как флаги, заполоскало кливера по ветру, "Товарищ" развернулся всем бортом к берегу и замедлил свой бег, еще секунда — и он лег на новый галс. Паруса наполнил ветер уже с правого борта и, набирая ход, "Товарищ" удалился в море. Позже мне объяснили, что наше беспокойство перед поворотом было напрасным, ибо до берега оставалось не менее двух миль — так обманчиво расстояние с моря при подходе к высоким берегам.

Чем дальше уходим в море, тем сильнее ветер, выше волны. Идти в

бейдевинд стало тяжело. "Товарищ" увалился под ветер, оставив на реях одни марселя. Чтобы убрать паруса, работали на высоте до 40-45 м. Крен достигал 12-15°, так что палуба оставалась где-то в стороне, а под ногами кипели гребни волн. Чтобы не сорваться в воду, приходилось держаться за стальной леер, идущий вдоль рея. Можно было просунуть руку по локоть в штормовые кольца, закрепленные за рей, но это мешало работать, поэтому ими почти не пользовались. Ноги стояли на пертах — это стальные оклетневанные тросы, идущие примерно на метр ниже рея.

Если кто-нибудь выходил на работу к парусам, забыв коротко остричь ногти, то дальше он уже никогда этого не забывал: обломанные до крови ногти запоминались.

Ночью волнение и ветер усилились еще больше. Из-за шума и свиста мы почти не слышали друг друга. Судно шло со скоростью 11-12 узлов. Порывы ветра кренили его так, что порою с наветренного борта вода захлестывала на палубу. В этот момент мы слышали странный звук, напоминающий далекий взрыв. Оказалось, верхний марсель второго грота лопнул, разлетевшись на несколько частей. Его останки вместе с тросами и цепями неистово бились по ветру, сокрушая другие снасти и паруса. Больше всего доставалось нижнему марселю, еще мгновение — и от него остались только ключья. Требовалось срочно приостановить эту цепную реакцию. Подойти к остаткам марселей по вантам было опасно, но все же руководимые Адамычем курсанты смогли обуздать разъяренные полотнища...

Море богато контрастами. К утру шторм стал слабеть, а к полудню через облака проглянуло солнце. Только волны да жалкие ключья парусов, в беспорядке принайтованные к рангоуту, напоминали о тяжелой ночи. А к вечеру море успокоилось.

В минуты затишья самым оживленным местом становился полубак; здесь всегда о чем-то спорили, часто пели — больше всего, естественно, про море да корабли. Иногда радист, вдоволь натерпевшись-наслушавшись нашего пения, включал музыку, находились тогда плясуны и танцоры.

После отбоя всякое хождение по судну само собой прекращалось: свободные от вахты спешили в кубрик, ведь утром в шесть часов боцманская дудка и звуки горна предложат покинуть теплую койку. Это была самая противная дудка — она звала драить палубу до блеска с песком, с голиком или отжимкой в руках, под струей холодной забортной воды. Однако дружный выход на палубу вскоре стал делом привычным и проходил всегда весело. Этому немало способствовал Адамыч со своими прибаутками. Так, однажды утром, когда распределялась работа, он совершенно серьезным тоном сказал перед строем курсантов:

— Мне нужно пять грамотных ребят с хорошим почерком, работа не пыльная, кто желает — шаг вперед.

Пятеро самых "сообразительных" вышли вперед в ожидании легкой работы, а боцман вручил им голики и под громовой хохот всего строя пояснил: "Будете расписываться по палубе около струи". После этого никто легкой работы не искал.

Ясно, что палуба драилась не только ради чистоты и не только для того, чтобы не рассыхалась от солнца, — это было нечто вроде ритуала, оставшегося со старых времен.

Брандспойт с помпой, на котором работало шесть-восемь человек, понемногу переносили вдоль борта. В обязанности шланговых (их называли "заломовые") входило и следить за "заломами" шланга, и переносить заборный шланг, и просто быть на подхвате, под рукой у боцмана. Одновременно с палубой мыли или скатывали надстройку, а потом драили — до золотого блеска — медь. Эта ежедневная работа происходила до подьема, после которого был завтрак...

Когда до входа в Новороссийскую бухту оставалось 9-10 миль, на горизонте показались два дымка. Это были буксирные пароходики-труженники, которые помогают большим кораблям входить в гавань и становиться к причалу. Вскоре они приблизились и, развернувшись, легли на параллельные курсы. Их капитаны запросили Эрнеста Ивановича: "Каковы ваши просьбы?" Тот ответил: "Держитесь рядом". "Товарищ" уверенно двигался ко входу, но чем ближе мы подходили к воротам порта, тем меньше оставалось парусов на мачтах. Вначале были убраны бомбрамсели, затем брамсели и нижние паруса. Мы шли под одними марселями, а буксиры в ожидании приказаний следовали в кильватер за нами. "Товарищ" спокойно прошел узкий проход между молами, повернул к подготовленному для него причалу и взял оставшиеся марселя на гитовы и гордени.

Большому паруснику, не имеющему машины, совершать подобные маневры нелегко, и считалось это большим искусством. Капитаны буксиров оценили наш вход в бухту по достоинству. Услышав гром якорей "Товарища", они запросили: "Нужна ли помощь при швартовке?". Разумеется, Эрнест Иванович ответил: "Вы свободны".

Швартовка и уборка парусов заняли менее часа. И вот "Товарищ" уже стоит кормой к берегу, держась двумя носовыми якорями за дно бухты, как швартуются только военные корабли. Надо сказать, что не только обычай швартоваться, но и все порядки на судне были заведены, как на

военном корабле. Это шло еще с тех пор, как "Товарищем" командовал Дмитрий Афанасьевич Лухманов.

Тех, кто впервые подымался на борт "Товарища" поражали идеальный порядок, чистота, дисциплина. Палуба была настолько чистой и белой, что казалась совершенно новенькой, кофель-нагельные планки сверкали лакировкой, медная облицовка горела. Как на военном корабле, готовились к подъему и спуску флага. Каждые полчаса отбивали склянки. Команда несла вахты и назначалась в наряды. Ежедневно объявлялась форма одежды, а появление на шканцах без формы не разрешалось. Дневальные и рассыльные носили боцманские дудки и "рцы". Сигналы дудок выполнялись как приказы.

Много лет прошло с тех пор, но я прекрасно помню эту морскую практику на "Товарище". Во время Великой Отечественной войны я служил на Северном Флоте и о судьбе "Товарища" мне ничего не было известно. Уже после войны я узнал, что он был разрушен попаданием нескольких авиабомб и затонул. Становой якорь "Товарища", установленный в городском парке г. Жданова, остался вечным памятником кораблю, на котором прошло школу целое поколение моряков.

Баллада о юнгах с "Товарища"

Уж кливера под ветром не звенят
В последний раз осмотрен такелаж.
Оставили "Товарищ" свой ребята —
На фронт ушел курсантский экипаж.
Их видели защитники Одессы
И огненного Крыма берега,
Прославленные скалы Херсонеса,
Десанты прямо в логово врага.
Сейчас тамobeliski, где когда-то
Стояли насмерть на клочке земли
С бессмертного "Товарища" ребята,
Где с боем швартовались корабли.
Вздохнуло море от разрыва тяжко,
Над палубой пронесся смертный крик...
К ногам мальчишки в старенькой тельняшке
Матрос, рыдая, крепит колосник.
Команды посуровевшие лица,

Да всплеск воды за темную кормой...
Мальчишке никогда не возвратиться
Ни в мореходку больше, ни домой.
Его еще девчонка не любила,
Он знал лишь моря ласку и привет:
В шестнадцать лет — матросская могила,
Где ни крестов, ни памятников нет.
Над Черным морем нежные закаты
И песня улетает в небеса
Про тех, кто не вернулся в сорок пятом,
Про алые от крови паруса.

Александр ШАРУПИЧ

Барк "Товарищ" и парусник "Секрет"

Южный Крест там сияет вдали,
С первым ветром проснется компас.
Бог, храня Корабли,
Да помилует нас.

А. ГРИН

Конечно же вы помните встречу Ассоль и капитана Грея. Кто же может позабыть то дивное ощущение счастья, когда мечта встречается с мечтой. Как же, как же, конечно! Так давайте еще раз отправим свое сердце на ту встречу.

Итак, Ассоль, дочь моряка Лонгрена с брига "Орион" живет в ожидании чуда, предсказанного ей сказочником Эглем. В Каперне, деревушке на берегу моря, никто, кроме нее, чуда не ждет. Надо полагать, что у них нет души, а поэтому все эти выдумки с кораблем под алыми парусами, им, занятым земными заботами, ни к чему. Девушка кажется им чокнутой. Мало ли на белом свете сумасшедших — одной больше, одной меньше, какая разница. Да и сам Лонгрен подлил масла в огонь, когда из чувства мести отказал лавочнику Менересу в помощи, из-за чего тот едва не погиб в штормовом море. Лонгрен опомнился, признался дочери в том, что его "черная метка" едва не погубила жизнь человека. Но это было запоздалое раскаяние.

Писатель Александр Гриневский и сам не раз оказывался в ситуациях,

когда вольно или невольно служил злу. Самым постыдным для агитатора партии эсеров Александра Гриневского было косвенное участие в бунте на крейсере "Очаков", но об этом я расскажу позже. Сейчас же вернемся к Ассоль. Она читает какую-то книгу, "но вдруг случайный переход взгляда от одной крыши к другой открыл ей на синей морской щели уличного пространства белый корабль с алыми парусами.

Она вздрогнула, откинулась, замерла; потом резко вскочила, с головокружительно падающим сердцем, вспыхнув неудержимыми слезами вдохновенного потрясения. "Секрет" в это время огибал небольшой мыс, держась к берегу углом левого борта; негромкая музыка лилась в голубом дне с белой палубы под огнем алого шелка; музыка ритмических переливов, переданных не совсем удачно известными всем словами: "Налейте, налейте бокалы и выпьем, друзья, за любовь...". Не помня, как оставила дом, Ассоль бежала уже к морю, подхваченная неодолимым ветром события...".

Пусть Ассоль бежит, беспомощно протянув руки к высокому кораблю. Ей надо добежать в "теплое колыхание волн" и крикнуть: "Я здесь! Я здесь. Это я!".

Признаться, я, начиная разгадывать тайну "Товарища", надеялся на нечто похожее, "гриновское". Увы, события на паруснике "Лауристон" ("Товарищ") развивались совсем по иному сценарию.

Вернее сказать — начиналось все для экипажа и 139 курсантов Архангельского, Херсонского, Одесского морских техникумов прекрасно. После первого курса шестнадцати- и семнадцатилетние подростки ушли в трехмесячное учебное плаванье. Черное море ласково приняло их самих и благосклонно слушало их щебетанье на полубаке. Знаменитый боцман Адамыч назвал отличившихся "чали-моряк". Непонятно, но из уст Адамыча звучало интригующе. Скорее всего, "чали-моряк" — это искаженное "чилдрен", дети. Как бы там ни было, рейс был наполовину сбывшейся мечтой — они на палубе знаменитого парусника! Их капитан Алексеев — орденосец, не просто воевавший в Испании, но и помогавший вывезти в Союз золотой запас республиканцев. Испанцы хорошо заплатили Сталину за тех, "кто хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать". Александр Шарупич, паренек из Минска, был чист душой, как все они, идейные защитники завоеваний Великого Октября. Много позже доктор философии А. Шарупич, преподаватель одного из вузов Минска, признается мне, что постижение им правды истории затянулось, о чем он очень сожалел. Однако это отдельная и не моя тема. Оставим ее.

"Товарищ" вышел из Одессы 13 июня.

На рассвете 22 июня барк вошел в порт Новороссийск. Отшвартовался. Боцман Адамыч самолично выбил стопор из якорной цепи. Парусник крепко зацепился за земной шар. Вахтенный отбил склянки.

Было в мире ровно 4.00.

Самолеты Люфтваффе уже находились в воздухе. Юнкеры первой волны сваливались в пике.

Война!

В своем стихотворении "Баллада о юнгах с "Товарища" очень точно передал собственное ощущение того времени. Всех их, юнг, определили матросами на пароходы. Многие попали в морскую пехоту. Девушек-курсанток подобрали госпиталя, медсанбаты, санроты — все, что требовало самоотверженности и милосердия.

Саша Шарупич так и не увидит больше своего капитана. Алексеев в первый же день войны получит назначение в лоцманскую службу военноморской базы Новороссийск. К нему примчится обезумевшая от страха за жизнь мужа Татьяна. Немецкий летчик выследит их любовь. Бомба с Ю-87 расколется лоцманский катерок. Алексеева можно было бы спасти, окажись рядом нужные врачи. Специалисты-хирурги находились в Геленджике. Машины туда для капитана, который привез стране трюмы золота, не оказалось.

Невозможно понять и логики перевода "Товарища" из Новороссийска в Мариуполь. Чего туда, а не в Батуми или Сухуми? Казалось бы, думая о спасении барка, надо было бы вперед, подальше от наступающего врага, а не совать под нос в Мариуполь. Но какая логика на войне?! Какая могла быть мудрость среди общей паники, забросившей за считанные месяцы "непобедимую и легендарную" Красную Армию к берегам Волги под Сталинград?

Первые месяцы с начала войны отмечены особым трагизмом. Миллионы военнослужащих, попавшие в плен, были объявлены "врагами Родины". Приказ № 270 от 16 августа 1941 года, делавший их таковыми, имел длительное действие. Сам Сталин — безусловный виновник сокрушительных поражений — себя предателем не считал. Более того, позвонив генералу Коневу на Западный фронт, он выкрикнул в телефонную трубку:

— Товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что слишком доверился кавалеристам...

Одним из таких кавалеристов был маршал С. Буденный. Одно время он командовал Южным фронтом. Это о нем пели:

Буденный — наш братишка,
С нами — весь народ!
Приказ — голов не вешать,
А идти вперед!..

Под Моздоком лошадиный маршал бросил на танки Клейста несколько кавалерийских дивизий. Темные квадратные бурки, башлыки с алым верхом, шашки наголо. Немецкие пулеметчики рыдали от восторга — таких крупных мишеней они никогда не видели. Было и другое, похожее, — переправа вплавь на конях через Керченский пролив. Сколько там наших полегло, никто не считал!

Семена Михайловича я видел дважды. Первый раз в "эмке" на мосту через Сунжу посредине города Грозного осенью 41-го и в середине 80-х на съезде ВЛКСМ. Последняя встреча запомнилась особо. Одряхлевший герой стоял на трибуне, выкрикивая речь о преемственности боевых традиций партии и народа, затем гикнул и, схватив припасенную шашку, направился в зал. Передний ряд вздрогнул. Секретарь ЦК ВЛКСМ Евгений Тяжельников сорвался со своего места в президиуме и успел поймать рубаку за фалды мундира. Газеты писали, что состоялась "передача эстафеты" поколений.

Юнга Шарупич, чьим домом стал пароход "Калинин", тоже имел отношение к "кавалеристам" — однажды пришлось перевозить кавдивизию. Отстояв вахту, юноша спустился в трюм. "Низ трюма находился глубоко под водой, — вспоминает Шарупич. — Мутный свет переносной лампочки-летучки, прикрученной к скобе трапа, едва освещал спокойно жующих и не ведающих, что они находятся под поверхностью воды, лошадок. Там, на берегу, их ждала тяжелая работа и так же, как людей, караулила смерть. Я погладил по загривку бурого мерина. Как бы в благодарность за ласку, тот ткнулся мокрыми губами в мои ладони. Быстро сбегав в каюту и прихватив весь мой двухнедельный запас сахара, снова спустился в трюм".

Воспоминания тоже могут быть родиной. Разные лики являют мне прожитые годы. О звонке Сталина Коневу с лукавыми объяснениями в адрес "кавалеристов" мне рассказал Константин Симонов, как бы в ответ на мою давнюю записку во время встречи в Киевском университете. Подробнее о своем отношении к Сталину К. Симонов расскажет в книге "Глазами человека моего поколения", которую Маша, дочка Константина Михайловича, подарит мне в 1991 году в редакции "Советской культуры", где мы оба работали. Но в данном случае все это присказка. Сказка тоже

печальна. Покамест юные моряки с "Товарища" воевали, само судно до второй половины сентября стояло возле пятого причала Новороссийска.

Бывший матрос с него, Григорий Семенович Гусак, откликается в начале 80-х годов письмом с характерным заголовком "Мариупольский позор". По его версии, барк был сдан немцам умышленно 9 октября 1941 года. Винил он Куцепалова, Лялекова, Лутаева. Так ли это на самом деле — судить не берусь. Дело "об измене Родине" Куцепалова обещают раскрыть в 2012 году. Тогда, очевидно, можно будет восстановить картину событий тех лет. Правда, если у кого-либо возникнет интерес к этой теме. Сомнения гложут меня еще и потому, что в огне той войны сгинуло столько людских жизней, что какой-то барк, а проще говоря, железная лохань с полутора десятком моряков на борту, могла навсегда кануть в Лету. Но мне почему-то кажется, что Природа припасла нечто, умеющее хранить тайны самой давней давнины. Я имею в виду — Воду. Когда-нибудь люди научатся читать информацию, в ней заключенную, и тогда, может быть, кому-то западет в душу сказочное видение парусника на горизонте. Слова на самом деле обладают материальной силой: придет черед — и слово "Лауристон" прорастет в чьем-то сознании. На всякий случай, для того, кто возьмется пройти курсом "Лауристана" — "Товарища", сообщаю несколько ранее неизвестных фамилий, присланных Григорием Гусаком из Таштагола, где он до недавнего времени жил по улице Октябрьской, 42, кв.19. Бывший стажер с барка вспомнил отрывок из "Судовой роли":

Евгений Викторович Куцепалов, капитан.

Алексей Михайлович Лутаев, механик.

Антон Федорович Евангелиста, инструктор первой вахты.

Сергей Голубятников, боцман.

Иосиф Адамович Хмелевский: боцман, 70 лет, ушел на шлюпке из Мариуполя в Ейск, оттуда в батумскую мореходку, где и умер в возрасте 82 лет.

Борис Леонович Хораш, старшина первой вахты.

Павел Павлович Патер, инструктор первой вахты.

Иоконемос, инструктор первой вахты.

Жан Степанович Журавский, старшина второй вахты.

Александр Юдин, старшина третьей вахты.

Михаил Козловский, матрос.

Андрей Мороз, матрос.

Пономарев, матрос.

Петр Петров.

Баранецкий, матрос.

Гусак Григорий Семенович, практикант второй вахты. Ушел из Мариуполя на буксире "Кальмиус" под обстрелом немецких танков, стрелявших с причалов Угольной гавани.

Елена, кок.

Николай, Костя, коки.

Варвара Тихоновна, буфетчица.

В основном все они жители Одессы.

Известно также, что Е. Обертас, впоследствии знаменитый капитан дальнего плавания, преподаватель мореходки во Владивостоке, вместе с группой матросов с "Товарища" перешел на недостроенный пароход "Ульянов", и все они избежали плена. В Москве я разыскал бывшего уполномоченного Черноморского флота, который руководил эвакуацией Мариупольского порта, В. Полковского. Он рассказал: "8 октября я прибыл в Мариуполь из Одессы. В моем распоряжении оставались считанные часы: враг быстро подходил к городу. Стали освобождать порт от самоходных судов, взрывать оборудование порта. Капитан порта В. Вакуленко перешел на катер "Кальмиус". Вместе с ним мы подошли к борту "Товарища". Приказал Куцепалову забирать документы, подготовить судно к затоплению и ждать нас. "Товарищ" стоял на канале, ведущем к заводу "Азовсталь". Когда стали стрелять танки, мы спрятались за "Товарищ". Палуба его была пуста. Где Куцепалов? Я терялся в догадках. Смеркалось, поднялся сильный ветер. Наш "Кальмиус" был переполнен беженцами. Надо было уходить в открытое море. Так мы и сделали. Позже прошел слух, что сдачу "Товарища" немцы снимали на кинолентку и показывали в Германии..."

Может быть, все так и было. Повторяю, может быть, поскольку из тех писем, что пришли ко мне, ясную картину событий, разыгравшихся 9 октября в Мариупольском порту, представить трудно. Ясно одно — экипаж барка постигла та же беда, какая ужалила миллионы людей, оказавшихся в плену. Отношение к ним было определено приказом № 270. Пленный — значит враг, изменник, предатель. Нет, вы еще раз послушайте, что кричит вождь генералу Коневу:

— Товарищ Сталин не изменник...

Будет о Сталине.

Вернемся к юнге с "Товарища" Александру Шарупичу. Как самую ценную драгоценность юноша бережет чайную ложечку с монограммой: Д. Л. — Дмитрий Лухманов. Капитан Лухманов, снаряжая барк в дальнее плавание, помимо всего прочего заказал к чайному сервизу в кают-компа-

нии несколько сотен именных серебряных чайных ложечек. Они разошлись на сувениры. Свою ложечку Шарупич получил от Адамыча в Батуми в 1942 году и сохранил ее до конца войны. Мы совсем было сговорились с ним о randevu в Одессе, но тут грянул 1991 год. Пространство личной дружбы тоже распалось...

Однако я о другом. Пора вернуться к "Алым парусам" Александра Грина. Конечно же, юноша из глухомани, попав в Одессу, много чего повидал. И, как многих, его пленили парусные суда. Я не знаю, какое именно вошло в душу будущего писателя. Важно — какое вышло. А "вышел" парусник "Секрет".

— Александр Степанович! Я знаю, что Вы не любите кое-каких подробностей из своей биографии. Недаром ведь свою "Автобиографическую повесть" Вы написали зрелым человеком. И все же, ради всех святых, простите меня, мне трудно писать об этом, но без этого нам не двинуться с места.

Начнем.

Александр Куприн и Александр Гринеvский познакомились в Севастополе поздней осенью 1905 года. Эсер Гринеvский был тогда влюблен в Екатерину Бибергаль, тоже эсерку. Гринеvский был особенно хорош как агитатор. Он хвалил Стеньку Разина, Емельку Пугачева, призывал к бунту матросов и солдат береговой артиллерии.

Бунт состоялся. Возглавил его безумец лейтенант Шмидт. Об этой истории почти все давным-давно известно.

Тайной осталась привычка Гринеvского, тогда уже Александра Грина, напиваясь в кабаке возле Поцелуева моста, строить на селечоднице из спичек остовы корабликов. И, залив водкой, поджигать. Иногда при этом ритуале присутствовал Куприн. О бунте на крейсере "Очаков" оба они предпочитали не говорить. Куприн-свидетель, Грин-соучастник. Зачем беречь душу!

Спичечные кораблики на селечоднице горят медленно. Грин смотрит в синее пламя, а перед глазами — пылающий крейсер "Очаков". Он толкнул туда, на раскаленную палубу, людей. И вот из чувства вины и покаяния рождаются первые строчки "Алых парусов".

Покаяние — их гавань.

Как-то я попытался разобраться, в чем различие эсеров и большевиков. Оказалось — в сущей малости: первые были за индивидуальный террор, вторые — за массовый!

Человек, одетый в озноб, или Почему Александр Грин отказался провожать барк "Товарищ"

Как томик Грина,
За окном Мургаб
Все запускает в потолок
Мне лунный зайчик.
Ренат Исмаилов

Александр Гринеvский, юноша из провинциальной Вятки, приехал в Одессу с одной мыслью — стать моряком. Прямо с вокзала, попетляв по незнакомым улицам, он, наконец, подбежал к волнам, ласкавшим к берегу.

— Здравствуйте, море! — сказал подросток, храбро погружая болотные сапоги-ботфорты в ласковую синеву.

— Здравствуйте, море! — крикнул он еще раз, зачерпнул обеими ладонями волну и подбросил ее вверх.

Когда глаза его ослепли от тысячи радуг, заключенных в капельках моря, он опустил их и прозрел: метрах в двадцати от того места, где он стоял, у Практической гавани, отдыхал парусник "Великая княжна Мария Николаевна". Принадлежит парусник Одесскому училищу торгового мореплавания.

Мальчик в нелепых сапогах с еще более нелепой рогожевой кошелкой, в которой среди белья, рядом с початой пачкой табака лежат краски для рисования экзотических берегов Ганга и фарфоровая чашечка — память о маме, умершей от туберкулеза. Пуще всего Саша бережет фарфоровую безделушку. Когда ее украли со всем другим нехитрым скарбом, он горевал так сильно, что едва не оказался в лечебнице для "людей со сломленными душами".

Море, парусник, Одесса... Осталось немного — поступить в мореходку. Однако прием учащихся был закончен. Он опоздал всего на три дня. И не стал однокашником многих великих капитанов дальнего плавания, в том числе и Александра Маринеско.

Впрочем, стать моряком ему тоже не было суждено. Причин тому много, но может быть, самая главная заключается в том, что юноша "не понравился морю"! Худющий, узкогрудый, нетерпеливый, самолюбивый, склонный к истерикам и, как утверждают почти все его биографы, нелю-

димый — такому нет места на корабле. Там не нужны вспышки нервных сил. Там нужна плавная рассудочность. Однако не верьте на счет нелюдимости. Она возникнет много позже и будет связана с тайной Александра Грина.

Следует помнить, что свою "Автобиографическую повесть" Грин писал взрослым человеком. Это далеко не документалистика. Грин местами умышленно то наговаривает на себя, то на отца, то уходит от важных вопросов, связанных с теми или иными эпизодами своей жизни. Так было "надо". Писатель Грин как бы заметал следы своего четырехлетнего пребывания в партии социалистов-революционеров сначала от царской охраны, а позже от ЧК. "Нелюдимость", "угрюмость", "необщительность", как мне кажется, маски.

Человек, любивший не просто выпить, но и загулять и на день, и на трое суток, не мог быть "букой". Он станет таким особенно после Октябрьского переворота. Новая власть тщательно уничтожала своих оппонентов по политической борьбе. Эсеры в тех проскрипционных списках значились под номером первым.

Смею утверждать, что выбор псевдонима "Грин" был связан со страхом быть избалованным в своем давнем пристрастии к эсерам. Думаю также, что бросок в Феодосию из Питера был также продиктован все тем же страхом. Отсюда, как мне кажется, его стремление забиться от властей подальше. Еще лучше, чем Феодосия, подходит Старый Крым. Думаю также, что необщительность Грина была связана с сознательной отчужденностью от людей: он боялся за них, за их возможное наказание лишь за то, что они были с ним знакомы. Грин бежал от людей во имя их же блага! Он никого не хотел подставлять! Примеров подстав такого рода — пруд пруди.

Иначе говоря, Александр Степанович являл своим поведением высшую степень порядочности!

Думаю, что ему очень хотелось побывать на "Товарище". Такая возможность вдруг открылась летом 1922 года. Константин Паустовский в "Книге скитаний" рассказывает, как однажды в редакции газеты "На вахте" появился Грин. Впрочем, слово Константину Георгиевичу: "Грин был высок, угрюм и молчалив. Изредка он чуть заметно усмехался, но только одними глазами — темными, усталыми и внимательными. Он был в глухом черном костюме, блестящем от старости, и черной шляпе. В то время шляп никто не носил..."

Сотрудники газеты суетятся, обмениваются репликами, не переставая

наблюдать за Грином. Его здесь хорошо знают. Никто не сомневается, что Грин примет предложение редакции отправиться спецкором в Петроград на проводы учебного парусника "Товарищ" ("Лауристон"). И вдруг ответ Грина:

— Нет! — твердо ответил Грин. — Я болею. Мне нужно совсем немного, самую малую толику. На хлеб, на табак, на дорогу...

Удивительна речь Грина. Человек, который обожал "жизнь приключений", отказывается от этих приключений! Да, конечно же, деньги ему нужны, но это только часть правды. Мотив отказа, как мне кажется, куда как глубже. Скорее всего, дело тут в том, что Грин опасается привлечь к себе внимание. Проводы "Товарища" — массовое зрелище. Соберутся репортеры, фотокорреспонденты, возможны интервью. Нет, нет. Никакой рекламы. Безвестность — его укрытие. Николай Тихонов, приятель по Петрограду, поздравит с днем рождения и юбилейной датой со дня начала творчества. Он загадочно скажет жене Нине:

— Это хорошо, что один вспомнил!

И еще штрих: после нескольких месяцев молчания Горького Грин перестает ему писать. Он словно догадывается, что письма пролетарскому писателю тщательно прочитывает жена сына Максима — сотрудница ведомства Ягоды. Коль же письма проскакивали мимо стукачки, то они все равно попадали к стукачу на жаловании НКВД — личному секретарю Алексея Максимовича...

...Примечательно, что в творчестве Грина нет ноток восхваления существовавшего режима. Это тоже опасно. Смертельно опасно: ибо сказано его приятелем Максимом Горьким: "Тот, кто не с нами, тот против нас". Окончательно формула неприязни звучит еще более зловеще: "Если враг не сдастся — его уничтожат". Фраза Горького как бы заменила правовую норму. Произнесенная в чей-либо адрес, она становилась смертельным приговором. У романтика Грина был собачий нюх. Бывший эсер, порвавший со своими соратниками, Грин прекрасно ориентировался в приливах и отливах политической ненависти власти к своему народу. Выдумка — стала его миром, где на самом деле жила его душа, "потаенная свобода", по выражению Пушкина, вводила его то в Покет, то в Зурбаган, то в Лисс...

Когда же вдруг судьба предложила ему трап парусника "Товарищ", то он нашел вполне правдоподобное объяснение, чтобы отказаться. Он действительно был болен, ниц, но, повторяю, не настолько, чтобы только по этим причинам отказаться от восторга — вида поднятых парусов. Ассоль

уже родилась в его воображении, корабль для нее он найдет в другом месте.

Интересно, что парусник "Мария Николаевна" по своему классу был чайным клипером, а значит — родственником "Катти Сарк". Построен он был в 1866 году знаменитым мастером чайных клиперов Робертом Стилем в городе Гриноке. Почти двадцать лет "Хесперус", таким было его первое имя, стоял на шерстяной линии Лондон — Мельбурн. В 1899 году Россия купила его за 9 тысяч фунтов стерлингов, и стал он "Марией Николаевной". На этом клипере обучали морскому искусству торговых моряков. Первым капитаном на нем был выдающийся военный моряк, капитан второго ранга П. Балк, а затем Д. Лухманов. О нем, в частности, рассказывают такую историю. Лухманов любил шлюпочные гонки. Выглядело это так: с кормы выстреливался длинный бамбуковый шест, на конце которого укреплялся колокольчик. Надо было так провести шлюпку под парусами, чтобы, "срезая" корму судна, слегка зацепить вантой шест. Звенел колокольчик, что означало "благодарность" капитану за честь служить под его началом на прекрасном паруснике! Остается добавить, что чайный клипер "Мария Николаевна" в 1913 году оказался на Балтике. С той поры его никто и нигде не видел.

Также издалека, не ступив на его палубу, Александр Грин увидел и другой венценосный парусник — "Великая княгиня Ксения Александровна". Волею судеб этот барк оказался на Каспийском море. Будущий писатель искал и там свою судьбу. Однажды он увидел "Ксению Александровну", но никто из экипажа не стал и разговаривать с божьем Гриневским. Они расстались: судно и человек. В книге В. и П. Митрофановых "Школа под парусами", изданной в Ленинграде в 1989 году, рассказано множество потрясающих историй о морях и их кораблях. О барке "Ксения" тоже есть немало волнующих страниц. К примеру, такая: построен он был не за границей, как водилось, а на Сормовском заводе российскими корабельями. "Волжанина" перегнали в Каспий для нужд мореходных учебных заведений. Астрахань — Баку — Махачкала... Сновали по вантам курсанты, отбивали вахтенные склянки, летели годы. Из Каспийского моря барк попадает на ремонт в финский порт Турку. Ремонт длится невероятно долго. Наконец было принято решение отправить "Ксению" в Одессу. Переход вокруг Европы. Первая мировая война. "Ксению" задержали в одном из портов Греции. Белогвардейцы дали барку новое имя — "Свобода". Команду составили гардемарины Морского кадетского корпуса, спасавшиеся от власти большевиков. Вскоре "Свобода" оказалась в озере Бизерта вместе с другими кораблями бывшего военного флота России. Где-то в начале 1921

года парусник получил еще одно новое имя — "Моряк". Обосновавшаяся в Бизерте колония российских моряков решила обучать своих детей морскому делу. Андреевский флаг на его реях поднимался до осени 1924 года. Затем парусник был отправлен на слом в Мензель-Мургибе.

И еще утекли годы.

Однажды мой приятель по "Комсомольской правде", блестящий писатель-маринист Николай Черкашин побывал в Бизерте. Потомки русских моряков все еще живут там. Из останков кораблей бывшего Черноморского флота они построили дома, лавочки, гаражи. На сооружение церкви пошел материал с крейсера "Очаков" и дерево с "Ксении".

Церковь Николая Чудотворца, покровителя моряков, открыта для всех желающих. На двери ее — бескозырка с "Очакова" и кусок полотнища Андреевского флота.

Когда-то очень давно юноша Гриневский встретил на Раздерихинском спуске в Вятке двух моряков, на бескозырках которых было написано: "Севастополь", "Очаков". Саша пошел по этой дороге и прожил на ней всю свою жизнь.

Как это было

В летнюю навигацию 1941 г. "Товарищ" должен был сделать два учебных рейса с практикантами мортехникумов, которые были разбиты на две смены. 13 июня 1941 г. судно вышло из Одессы с первой сменой практикантов. Командный состав был следующий:

капитан — Алексеев
старпом — Куцепалов
2-й помощник — Обертас А.И.
3-й помощник — Корзун Н.Н.
4-й помощник — Сергеев Л.И.
инструктор — Евангелиста
помполит — Лялеков
старший механик — Лутаев
боцман — Хмелевский И.А. (ему было около 70 лет)
нач. рации — Шевченко.

На борту была одна женщина — буфетчица. На "Товарище" не было машины, но стоял паровой котел, который давал пар для отопления жилых помещений и для палубных грузовых лебедок (лебедки паровые), и движок вырабатывал электроэнергию для освещения. Поэтому на

судне был стармех. Перед рейсом была установлена новая радиостанция, но смонтировать ее не успели, и в первые дни рейса радиосвязи судно не имело.

Поэтому о начале войны команда узнала, только когда вечером 22 июня судно пришло в Новороссийск. В пути никаких вражеских лодок, кораблей и самолетов не наблюдали. Когда судно пришло в порт, над ним прошли первые немецкие самолеты. Сразу же после швартовки капитан Алексеев передал командование старпому Куцепалову, так как был мобилизован. На следующий день был мобилизован 3-й помощник Корзун. Произошла передвижка:

капитан — Куцепалов
старпом — Обертас
2-й помощник — Сергеев
3-й помощник — Евангелиста.

Прибывшая через несколько дней Сергеева Л.Д. (жена Сергеева Л.И., но она тогда носила девичью фамилию Михалева), стала дублером 3-го помощника по судовой роли. Все практиканты были сразу списаны с судна и мобилизованы.

В течение июля-августа "Товарищ" находился в Новороссийске, т. к. не было указаний о том, куда перегнать судно. К Куцепалову и Обертасу прибыли жены с детьми, успевшие эвакуироваться из Одессы. Семья Лутаева не выехала из Одессы.

Новороссийск начали бомбить. Куцепалов посылал запросы в ГУУЗ, в Москву, и наконец получил указание перегнать судно в Мариуполь, который считался глубоким тылом. Было решено под парусами не идти, т. к. парусник с полным вооружением являлся хорошей мишенью для врага. 28 августа началась буксировка "Товарища" в Мариуполь. Буксир вел судно под прикрытием берега вдоль Таманского полуострова.

Переход длился неделю. В пути, в соответствии с приказом, велось разоружение судна, т. к. считалось, что Мариуполь — тыл, и там судно перестойт, пока идет война. Был убран такелаж, спущены стеньги.

В Мариуполь прибыли 3 сентября и продолжали разоружать судно. Работа эта велась 10 дней и, когда ее закончили, Куцепалов объявил о том, что получил новое распоряжение — перегнать судно на противоположный берег в район Ейска. Но сделать это было уже невозможно — буксиров не было, судно без вооружения стало беспомощным. А фронт приближался. (Быть может, полное разоружение судна — это работа Куцепалова, Лялекова и Лутаева, заранее сговорившихся сдать судно немцам?)

Судно стояло у пирса, команда фактически пребывала в полном безделье. Ловили рыбу, собирали фрукты в брошенных садах Мариуполя. Правда, после некоторого промедления начали снова вооружать судно. 25 сентября Обертас получил назначение капитаном на недостроенный теплоход "Ульянов", стоявший у причала Мариупольских верфей. Он пригласил Л.И. Сергеева на должность старпома, а Л.Д. Сергееву (Михалеву) — 2-м помощником. Е.А. Обертас была зачислена палубным матросом (на "Ульянове" 5 или 6 матросов были женщины). На "Ульянов" перешли еще три матроса. Остальные продолжали оставаться на "Товарище".

О последних днях барка уже после войны рассказал Обертасу бывший радист "Товарища" Шевченко. В начале октября в город входили немцы. Мелкие суда всех оставшихся в порту вывозили на другой берег, к Ейску.

Все, кто оставался на "Товарище", заранее собирали вещи, чтобы при первой возможности покинуть судно.

К борту "Товарища" подошел буксир, чтобы снять команду. Все перешли на буксир, кроме Куцепалова, Лутаева и Лялекова. Их звали, но они отказались. Когда буксир отходил, они стояли на палубе на юте, и Куцепалов вслед помахал рукой. Вот и все. Уходящий буксир немцы стали обстреливать.

Как немцы использовали барк и когда и почему утопили — об этом данных нет...

P.S. *Поиски экипажа парусника "Товарищ" затянулись на многие годы. Однажды мне удалось бегло просмотреть папку с документами, обвиняющими Куцепалова и Лялекова в измене Родине. К сожалению, изучить эти материалы я не смог. Может быть, кто-нибудь из вас сумеет приоткрыть тайну трагедии на Мариупольском рейде осенью 1943 г.?*

Днепропетровск

Одесские Войновичи

Владимир Войнович обращался к своей родословной в нескольких книгах и довольно подробно рассказал о предках по отцовской линии: "Кажется, в 18 веке часть рода Войновичей (черногорцы) поселилась в районе Которской бухты (...). Отсюда члены рода уходили иногда очень далеко, служили разным странам (...). Мой прадед Шпиро (Спиридон Александрович) имел собственный торговый флот, ходил с ним в Россию. Его сыновья, все шесть капитаны дальнего плавания, в начале 1880-х годов со своими кораблями пришли в Россию и навсегда приняли русское подданство". Владимир Николаевич не уточнил, что "в России" прадед и его братья обосновались в Одессе. И произошло это не в 80-х годах, а немного раньше.

Прадед Николай Спиридонович. Он и его пять братьев — все капитаны дальнего плавания — в конце прошлого века привели свои корабли в Россию и приняли российское подданство.

Среди документов, относящихся к прямой линии (представителей которой В. Войнович перечислил с 14 века по сегодняшний день: "(...) Александр — Шпиро — Никола — Павел — Николай — и я"), самый ранний из обнаруженных в Одесском областном архиве датирован 19 сентября 1863 г. — это запрос градоначальника, не встречается ли препятствий на принятие в подданство России австрийского подданного Николая Войновича. Пристав отрапортовал, что препятствий нет. 30 сентября отправляется нечто вроде извещения: "Прошение австрийскоподданного Николая Войновича о причислении в одесские мещане с двумя паспортами

Прабабушка Анна, урожденная Комненич (известный сербский род).